

Образ зависимого в культуре 1990-х годов: литература как «зеркало» социальных трансформаций

Ильченко Кирилл Юрьевич

Соискатель,

Челябинский государственный институт культуры;
Руководитель психологической службы,
Ассоциация реабилитационных центров Челябинской
области «Южный Урал без наркотиков»;
454000, Российская Федерация, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36-а;
e-mail: ilchenkoky@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается образ зависимого человека (прежде всего наркозависимого) в русской прозе 1990-х годов как отражение социальных трансформаций постсоветской России. Показано, что после исчезновения СССР в литературе возникла эстетика беспрецедентной откровенности и натурализма, в рамках которой образы наркоманов, алкоголиков и иных зависимых стали художественным воплощением травматических процессов эпохи – криминализации общества, социального распада, ценностной дезориентации. Во *введении* охарактеризованы ключевые социально-культурные изменения 1990-х и обоснована актуальность исследования литературных образов зависимого человека. В *обзоре литературы* приведены труды исследователей, отмечающих роль литературы как «зеркала» действительности постсоветского периода и анализирующих феномен демонстрации автором неприглядных и крайне натуралистичных, тёмных стороны жизни, быта, проникнутых обречённостью и беспросветностью, сопровождающиеся сценами жестокости и насилия, как доминирующей эстетики прозы 90-х годов. В *аналитической части* на материале прозаических произведений 1990-х – повести Л. Петрушевской «Время: ночь» (1992), романа В. Ерофеева «Русская красавица» (1990), романа В. Аксёнова «Новый сладостный стиль» (1997) и романа В. Пелевина «Generation “П”» (1999) – показано, как литература того периода изображает зависимого героя и через него отражает новые реалии: обнищание и отчаяние семей, преступность и разрыв социальных связей, появление культа удовольствий и эскапизма на фоне духовного вакуума. В заключение делается вывод, что образ «зависимого» стал в прозе 1990-х выразительным символом постсоветских потрясений и способом художественного осмысления «травматизации» общества. Литература конца XX века не только фиксировала факты наркотизации и алкоголизма, но и предостерегала, выполняя важную аксиологическую функцию – напоминая о разрушительных последствиях аддикций для личности и общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Ильченко К.Ю. Образ зависимого в культуре 1990-х годов: литература как «зеркало» социальных трансформаций // Культура и цивилизация. 2025. Том 15. № 11А. С. 68-80.
DOI: 10.34670/AR.2025.70.29.009

Ключевые слова

Наркозависимость, алкоголизм, социальные девиации, русская литература 1990-х, постсоветская эпоха, социальные трансформации.

Введение

Постсоветские 1990-е годы в России сопровождались существенными фундаментальными социальными переменами – распадом прежней государственной системы и формированием новой, экономическим кризисом, резким падением доходов и снижением уровня жизни населения, всплеском преступности и вполне очевидным на фоне перечисленного снижением возможностей институтов социальной поддержки. После 1991 года страна переживала либеральные реформы, принесшие не только свободу рынка и слова, но и сопровождавшиеся тяжёлыми негативными последствиями, в том числе, в виде кризиса социальной сферы. Одним из тревожных симптомов эпохи перемен стал взрывной рост наркомании: если ещё в конце 1980-х уровень потребления наркотиков в СССР оставался крайне низким, то в середине 90-х масштабы наркозависимости выросли многократно [Караганов, Малашенко, Федоров, 1998, с. 2]. По данным аналитического доклада Совета по внешней и оборонной политике, за 1993–1997 гг. число потребителей наркотиков в России увеличилось примерно в 3,5 раза, и при сохраняющейся тенденции к 2000 году ожидалось свыше 3 млн лиц, злоупотребляющих наркотиками. Особенно стремительно распространялась наркомания среди молодёжи: под угрозой оказалось фактически целое новое поколение (в возрастной группе 13–25 лет). Кроме того, за десятилетие в 6,5 раза выросло число женщин-наркоманов. Наркотическая эпидемия 90-х расценивалась как вполне очевидная угроза здоровью нации и национальной безопасности. Аналогично остро стояла проблема алкоголизации и злоупотребления другими психоактивными веществами, находящимися в легальном поле. «Зависимость» – химическая (нарко- и алкозависимость) или поведенческая – стала одной из ощущимых социальных проблем постсоветской России.

Процессы перемен, в частности наркотизации населения, нашли свое отражение в культуре. Российская литература 1990-х годов, подвергалась гораздо меньшему влиянию цензуры, которая в свою очередь была инструментом прежнего ушедшего идеологического конструктора, а потому получила возможность уделять открыто внимание темам, которые ранее были табуированы и не рассматривались в публичном поле. Исчезновение государственного заказа и официальной цензуры, коррекция старой литературной системы и появление новых независимых изданий изменили сам подход к построению литературного процесса. Как отмечает критик Н. Иванова, в литературе этого периода «кончилась власть официоза, произошла отмена цензуры, смена языка и стиля, выход из запрета» [Иванова, 2022] – на страницах журналов и книг стали появляться тексты, ранее запрещённые или немыслимые в печати. Одновременно активно развивался книжный рынок, возникли новые журналы и премии, конкурирующие по идеологическим ориентациям. Литература стремилась отразить правду жизни реалистично, натуралистично, не приукрашивая – даже самую неприглядную. В прозе 90-х одним из художественных направлений стала, так называемая, «чернуха» – эстетика предельно натуралистичного изображения тёмных сторон бытия. По словам Ивановой, именно «чернуха» резко отличила прозу 90-х от предшествующей литературы, привнеся в неё «мотив травмы, острой и застарелой боли, невозможности её изжить, безнадёжности и депрессии»

[Иванова, 2022]. Авторы писали о том, что раньше находилось под запретом: о насилии, преступности, сексуальной эксплуатации, нищете, болезнях, безумии. Образ наркомана или алкоголика – человека, чья жизнь негативно меняется ввиду наличия зависимости – занял устойчивое заметное место среди героев-разрушителей и жертв эпохи.

Литература 1990-х стала, образно говоря, «зеркалом» социальных трансформаций. Ещё классики литературоведения указывали на отражательную природу словесности: «литература является отражением действительности», а потому по художественным текстам можно отчасти сложить выводы о реальном положении дел в обществе [Хасанова, 2014, с. 212-218]. В случае постсоветской России эта зеркальная функция проявилась особенно ярко и отчетливо. Писатели, освобождённые от цензурных ограничений, достаточно активно включились в исследование крайних проявлений новых реалий, издержек непростого для страны времени – они выводили на сцену ранее «неположительных», точнее сказать зачастую «отрицательных» героев: криминальных авторитетов, проституток, нищих интеллигентов, бомжей, ветеранов локальных войн, наркоманов и алкоголиков. Такие персонажи, маргинальные и трагичные, вобрали в себя черты «потерянного» постсоветского поколения, столкнувшегося с распадом привычного уклада окружающего мира [Пелевин, 1996].

Цель данной статьи – выявить как образ зависимого человека (в первую очередь наркозависимого) представлен в знаковых произведениях русской прозы 1990-х годов и какую он играет роль в отображении социальных трансформаций того времени. Анализируя ряд ключевых текстов прозы 90-х, в которых фигурируют персонажи-«зависимые», предлагается рассмотреть, что эти образы не только фиксируют распространение аддиктивного поведения в постсоветском обществе, но и несут глубокую метафорическую нагрузку, отражая кризис ценностей и травмы общества в условиях переходного периода.

Аналитический обзор научной литературы

Проблематика соотношения литературы и социальных процессов 1990-х годов привлекает внимание исследователей как в России, так и за рубежом. В работах отмечается, что радикальные социокультурные изменения рубежа 80–90-х годов XX века существенно повлияли на тематические и стилевые ориентиры русской литературы этого периода. Исследователи литературы подчёркивают переходный характер культуры 90-х: отмена цензуры и идеологического контроля привела к исчезновению единого «правила» и «взрывообразному росту плюрализма» в художественном мире. А. Васильевский указывает, что в 90-е произошла дезинтеграция литературного поля – вместо Союза писателей возникло множество конкурирующих групп и изданий разных направлений, от либерально-авангардных до консервативно-патриотических. В этой новой обстановке литература стала активно реагировать на «болевые точки» и «острые» для общества темы.

Особое внимание исследователей привлекает феномен «чернухи» – эстетики предельно мрачного реализма, доминировавшей в прозе 1990-х. Этот термин (произведённый от слова «чёрный») применялся к произведениям, показывающим жизнь в «тёмных» тонах, с нарочито натуралистическими подробностями порока, боли и страдания. Как пишет Н. Иванова, чернушная поэтика стала ведущей именно в 90-е, поскольку «девяностые приходят в литературу с мотивом травмы... безнадёжности и депрессии», выражая разочарование в несбывшихся надеждах и остройший кризис ценностных ориентиров. Коллективный труд зарубежных и российских авторов [Кан, Липовецкий, Рейфман, Сандлер, 2018, с. 683-703] также

характеризует «чернуху» как разновидность гипер-натурализма, демонстрирующего все то, что ранее вытеснялось из официальной культуры: «мир насилия, бедности, проституции, алкоголизма, брутальной сексуальности и болезней, включая душевные болезни». Такой подход стал своего рода художественным ответом на болезненные для общества 90-х перемены: литература взяла на себя смелость говорить правду о социальных проблемах.

В рамках изучения образной системы прозы 90-х годов ряд авторов фокусируются непосредственно на теме аддикций в самых разных проявлениях. Например, Н. Ф. Хасанова вводит понятие наркомания как антиценность – она показывает, что в художественной литературе наркозависимость зачастую изображается как абсолютное зло, разрушающее личность, и тем самым литература выполняет нравственно-предупредительную функцию [Хасанова, 2014, с. 212–218]. Проанализировав несколько произведений о наркоманах, Хасанова заключает: авторы демонстрируют губительное воздействие наркотика на человека, физическое и психическое разрушение личности, падение моральных устоев – и этим заставляют читателя задуматься, переосмыслить свои жизненные ориентиры. Литературовед задаётся вопросом: «какое осмысление наркомании даёт литература, тогда как литература является отражением действительности». Тем самым подчёркивается, что художественные тексты становятся не просто зеркалом фактов, но и пространством, в котором осмыслиается феномен зависимости.

Следует отметить, что образы алкоголиков и наркоманов в русской литературе встречались и ранее – вспомним хотя бы классические примеры: повесть В. М. Шукшина «Испытание» (1973) о сельском алкоголике или повесть М. А. Булгакова «Морфий» (1927) о враче-морфинисте. Однако в официальном дискурсе советской эпохи такие сюжеты либо маргинализировались, либо облекались в форму дидактических притч об «исправлении». В конце 1980-х начался постепенный выход подобных тем в поле общедоступное. И всё же лишь в 1990-е годы тема аддикций получила по-настоящему широкое распространение и радикально новое звучание – деполитизированное, лишенное дидактизма, зачастую натуралистично-шокирующее. Это подтверждается, в частности, исследованиями о прозе «нового реализма» и постмодернизма: как отмечают С. Казначеев и др., после распада СССР литература больше не стремилась быть «локомотивом идеологии» – она превратилась в хронику общественных аномалий и человеческих девиаций [Казначеев и др., 2006, с. 45–57].

Можно сказать о том, что в научной литературе транслируется понимание того, что образ зависимого человека в прозе 90-х – явление многогранное. С одной стороны, это результат документально-точного отражения реальных социальных проблем (всплеска наркомании, алкоголизма, общей девиантности в обществе). С другой – это символические художественные образы, через которые писатели осмысливали ценностный кризис эпохи, крах прежней системы представлений о важном и поиск новых оснований для смысла жизни. Далее обратимся непосредственно к анализу конкретных произведений, чтобы более детально проследить, как и зачем писатели 1990-х выводили на страницы своих книг наркоманов, алкоголиков и иных «зависимых» героев.

Образ зависимого в прозе 1990-х годов: художественный анализ

Семейная драма зависимости: «Время: ночь» Л. Петрушевской.

Одним из произведений ранних девяностых, отразивших неприглядные аспекты новой реальности, стала повесть Людмилы Петрушевской «Время: ночь» (написана в конце 1980-х, на русском опубликована в 1992 г. в журнале «Новый мир»). Эта повесть, написанная в формате

искреннего дневника, рисует распад советской интеллигентной семьи в первые постсоветские годы. Главная героиня – пожилая поэтесса Анна, живущая в бедности с престарелой матерью, взрослой дочерью и маленьkim внуком. В центре сюжета – страдания Анны, наблюдающей нравственное падение своих детей. Сын Анны, Андрей, хотя прямо не назван наркоманом, демонстрирует классические модели девиантного поведения: он совершает преступления, попадает в тюрьму, требует у матери деньги, возможно, употребляет вещества (текст указывает на его неадекватное агрессивное поведение и связь с криминальной средой). Дочь Анны, Алиса, тоже не способна вести нормальную жизнь – она гуляет по ночам, рождает ребёнка вне брака, оставляет его на бабушку. В доме постоянные скандалы, отсутствуют деньги на еду и лекарства. Анна отчаянно пытается спасти семью, но её усилия тщетны. Повесть погружает читателя в атмосферу тотальной безнадёжности: ночь (символическое время действия) кажется бесконечной.

Образ «зависимого» в этой книге воплощён, во-первых, в фигуре сына-преступника (косвенно – наркозависимого или алкоголезависимого молодого человека, ставшего на путь саморазрушения, демонстрирующего аддиктивные паттерны). Во-вторых, сама семейная система показана как, своего рода, созависимая: мать Анна по сути созависима от своих неблагополучных детей – она жертвует собой, терпит их издевательства, не в силах их бросить, хотя они «тянут её на дно». Петрушевская обнажаетискажённость человеческих отношений в постсоветской семье ([Яцюн (Чжан), 2024]: любовь смешана с ненавистью, ответственность – с бессилием. Через такую призму писательница отражает социальные трансформации: распад советского уклада привёл к тому, что старшее поколение (представленное Анной) оказалось беспомощным и униженным, а молодёжь (Андрей, Алиса) – потерянной, без ориентиров, легко уходящей в криминал, кутёж. В тексте есть характерная деталь: соседский подросток торгует наркотическими таблетками, которые принимает дочь Анны (намёк на распространение доступных «аптечных» наркотиков среди молодёжи). Также постоянно фигурирует алкоголь – герои пьют, чтобы забыться, и алкоголь выступает частью повседневной беды и вобщем-то быта.

Литературоведы отмечают, что «Время: ночь» Петрушевской сочетает беспощадный натурализм с глубоким метафизическим обобщением. За семейной драмой проступает метафора «разорванного времени»: после эйфории конца 80-х наступило время «ночи» – нищеты, растерянности, депрессии. Образ зависимого сына Андрея символизирует утерянное поколение 90-х, которое находится в процессе саморазрушения. Его зависимость (от криминала, возможно наркотиков) – прямое следствие отсутствия в новой России социальных лифтов, рабочих мест, позитивных целей. Мать Анна при всём своём трагизме тоже зависима – психологически – от иллюзий о прежней культуре (она цитирует Пушкина, пытается писать стихи) и от ложной надежды спасти близких. В итоге ни она, ни дети не видят выхода: финал повести трагичен (Анна умирает, так и не сумев изменить судьбу семьи).

В повести Петрушевской образ зависимого человека (преступника/наркомана) служит концентрированным отражением социальной катастрофы начала 90-х. Через частную историю показано общее, массовое явление: деградация части постсоветской молодёжи, оставшейся без опоры и склонному к аддиктивному поведению и преступности. Литература здесь выполняет, по выражению Н. Хасановой [Хасanova, 2014], «предостерегающую» функцию – читатель видит ужасающие последствия наркомании и других пороков, которые нельзя замалчивать. «Время: ночь» – своего рода литературный диагноз обществу, где разрыв поколений и социальных связей породил трагедии, подобные судьбе семьи Анны.

Саморазрушение как метафора эпохи: «Русская красавица» В. Ерофеева.

Если Петрушевская изобразила «зависимость» как семейную драму на фоне нищеты, то роман Виктора Ерофеева «Русская красавица» (опубл. 1990) представил иной срез – экзистенциальную и телесную катастрофу личности на фоне крушения советского мира. Это скандально известное произведение, сразу переведённое на многие языки, произвело эффект разорвавшейся бомбы: настолько откровенно и шокирующее оно изображало секс, насилие, физическое и духовное падение героини. Главная героиня – молодая женщина Ирина Тараканова, провинциалка, приехавшая покорять Москву. Обладая эффектной внешностью («русская красавица»), Ирина рассчитывает найти счастье, но вместо этого погружается в пучину порока. Она проходит путь от студентки-лингвистки до элитной проститутки, становится содержанкой иностранца, потом оказывается за границей, участвует в порнографических шоу. В этом романе наркотики и алкоголь постоянно сопутствуют жизни героини: чтобы выдержать моральное падение, Ирина прибегает к химическим стимуляторам, много пьёт. В конечном итоге она погибает при извращённых обстоятельствах (её смерть связана с эротико-садистским «экспериментом»).

Образ Ирины – это образ зависимой во всех смыслах. Она химически зависима (от спиртного, транквилизаторов, вероятно, наркотических веществ, хотя текст не фокусируется на одной конкретной субстанции – героиня употребляет «коктейль» из всего, что помогает уйти от реальности). Она также зависима психологически – от мужчин, от внимания, от денег. Ерофеев предельно физиологично описывает деградацию её тела и души. Литературный критик А. Курков в статье популярного журнала *The Guardian* отмечает, что роман «Русская красавица» прославился своей физиологической непристойностью, садизмом и отталкивающим эротизмом [Курков, 2005]. Эти черты как раз и являются характерными для прозы Ерофеева и в целом для «контр-реалистического» направления, протестующего против как он выражался «советской славянской литературной лжи». В контексте нашего исследования важно, что саморазрушительное, аддиктивное поведение героини (включая злоупотребление веществами) становится аллегорией разрушения всей системы ценностей. Ирина собственной жизнью демонстрирует, что происходит с «прекрасной и одарённой» натурой, когда из общества уходит моральный каркас – она превращается в жертву и одновременно участницу деструктивных процессов.

Виктор Ерофеев, представитель московского концептуализма, через гротескную гиперболу обнажает «тёмную сторону» переходной эпохи. Ирина – своеобразная «душа России» в переломный момент: красивая внешне, но внутренне опустошённая, она мечется между Востоком и Западом, пытаясь найти себя в новом мире удовольствий и денег, и кончает тем, что губит себя. Наркотическое и алкогольное опьянение в романе выступает метафорой эйфории и последующего болезненного столкновения с реальностью, которые переживала страна. В начале девяностых свобода «опьяняла», что, в целом, свойственно человеческой психике: столкнуться с обилием возможностей после периода строгих запретов, –казалось, «всё можно», никаких запретов. Но в таких условиях вполне логично за эйфорическими состояниями следует «отрезвление». Ирина, становясь зависимой от химических допингов, испытывает ложное чувство всемогущества и счастья – точно так же, как общество активно контактировало с «запретными плодами» (от эротики до лёгких наркотиков) в новое время. Однако расплата неизбежна: героиня погибает, а общество погружается в моральный кризис.

Роман «Русская красавица» не случайно стал литературным скандалом: он оголил то, что прежде пряталось под цензурой. Аддиктивное поведение (секс- и алко-зависимость) показано в

нём без морализаторства – читатель сам делает выводы, наблюдая отвратительные сцены. По сути, книга заявила: Россия больна, её молодое поколение поражено вирусом саморазрушения. Критики указывали, что у Ерофеева нет «нравственного урока» в finale – смерть Ирины бесцельна и беспросветна, во все той же статье *The Guardian*. Но именно в этом и состоит мрачный реализм постмодернистской прозы: никакой утешительной морали, только констатация факта – «в её историях смерть побеждает любовь». Литература девяностых отражает одну из главных социальных тревог: утрату гуманистических ценностей, когда человеческая жизнь (и тем более женская красота) стали товаром, который легко разменивается в угоду пороку. Образ наркозависимой/алкозависимой героини превращается у Ерофеева в символ тотальной деградации, своеобразный анти-messianский образ: «русская красавица» приносит себя в жертву, но не во имя спасения, а погибая бесславно, воплощая судьбу поколения, не сумевшего найти смысл в свободе.

Свобода и порок: зависимость в романе В. Аксёнова «Новый сладостный стиль»

Другой перспективой на образ зависимого в литературе 90-х отличается роман Василия Аксёнова «Новый сладостный стиль» (написан в 1996, издан в 1997). Аксёнов – знаменитый прозаик «шестидесятник», эмигрант, вернувшийся в Россию в эпоху перестройки. Его взгляд на 90-е проникнут одновременно ностальгией и иронией. Роман «Новый сладостный стиль» представляет собой достаточно «пестрое» полотно, где перемешаны дорожные приключения, любовная история, сатира на новую российскую действительность. Главный герой, Александр Корбах, – талантливый театральный режиссёр, чья судьба меняется в новые времена. В повествовании герои путешествуют между Россией и Америкой, сталкиваются с криминальными и комичными ситуациями.

Хотя центральная тема Аксёнова – поиск свободы и нового стиля жизни, в тексте значимое место занимают эпизоды, связанные с наркотиками и криминалом. Так, один из героев оказывается замешан в торговле наркотиками; присутствуют сцены контрабанды наркотиков через границу и их потребления в богемной тусовке. Герои еще и много пьют, экспериментируют с «новыми ощущениями». Образ зависимого у Аксёнова не столь трагичен, как у Петрушевской или Ерофеева, но весьма показателен: он вписан в контекст криминальной романтики 90-х. Роман показывает, как на волне свободы в Россию активно и в большом объеме «зашли» атрибуты западной контркультуры – от рок-музыки до наркотиков – и стали частью жизни творческой молодёжи и «новых русских». Один из эпизодов книги – ночная драка на автостоянке с участием наркодилеров – демонстрирует срашивание молодой богемы с преступным миром, что было характерно для лихих 90-х. Герои ищут вдохновения и прибыли, не брезгя запрещёнными средствами, а правоохранители ослаблены и коррумпированы, что позволяет наркотрафику процветать [Аксёнов, 1998, с.211-215].

Название романа «Новый сладостный стиль» отсылает к термину из итальянской поэзии (*Dolce Stil Nuovo* – «новый сладостный стиль» XIV века), иронично намекая на возникновение в России нового жизненного стиля – сладкого, свободного, но полного опасностей. Наркотики в тексте – часть этой «сладкой» жизни, атрибут красивой, хоть и рискованной современности. Если в советское время подобное было немыслимо или глубоко подпольно, то теперь герои свободно достают дозу кокаина или курят марихуану на вечеринке. Аксёнов, однако, не идеализирует эту свободу – напротив, его тон иронично-ностальгический. Сквозь

повествование ощущается сожаление: «новый стиль» хоть и сладок, но во многом пустой и опасный. Персонажи тянутся к наслаждениям, забывая о морали, и в итоге либо смешны, либо трагичны.

Образ «зависимого» героя в «Новом сладостном стиле» носит более фоновый характер, чем в предыдущих рассмотренных произведениях, но выполняет важную функцию. Аксёнов как бы спрашивает: вот пришла свобода – и что мы с ней делаем? Одни творят искусство, а другие уходят в преступный бизнес и гедонизм. Наркотическая зависимость предстает одной из граней общего кризиса духовности: герой-режиссёр Корбах ищет новые формы в искусстве, а параллельно где-то рядом молодёжь ищет новые виды кайфа. Это зеркальное отражение: утонченное искусство и грубый наркотический угар – две стороны постсоветской культуры. Показательно, что к финалу романа сам Корбах оказывается морально опустошён – он проходит через испытания славой, деньгами, страстью и понимает хрупкость всех достигнутых «сладостей».

В контексте 90-х литература Аксёнова служит своеобразным мостом между поколениями: старый интеллигент фиксирует нравы новой поросли. Образы наркодилеров и употребляющей элиты у него выписаны не с натуралистической детализацией, а скорее штрихами, но от этого не менее достоверно. Они показывают, как криминал и зависимости проникли даже и, прежде всего пожалуй, в слои творческой интеллигенции, то есть стали масштабным явлением. Роман формально не ставит проблему наркомании в центр, но фон повествования красноречив: 90-е – время, когда даже высококультурный герой вынужден существовать в окружении порока и искушений, и каждый делает выбор – поддаться ли «сладкой» зависимости или сохранить себя. Литература, таким образом, выполняет отражающую функцию: она изобразила симбиоз богемы, бизнеса и преступности, питавшийся в том числе наркотическими деньгами. Аксёнов, будучи ветераном литературы, в своём романе предупреждает: новое время принесло с собою не только свободу творчества, но и расцвет порока, от которого страдают души людей.

Психоделическое прозрение постсоветской пустоты: образы зависимости у В. Пелевина.

Одним из самых знаменитых писателей 1990-х стал Виктор Пелевин, чьи романы пропитаны духом постмодернизма и тонкой сатиры на новую реальность. Пелевин часто обращается к мотивам изменённых состояний сознания – будь то мистический экстаз, виртуальная иллюзия или действие психотропных веществ. В его произведениях персонажи нередко принимают наркотики или погружены в галлюцинации, но эти эпизоды у Пелевина обычно имеют философский подтекст. Особенно показательны в этом плане роман «Чапаев и Пустота» (1996) и роман «Generation “П”» (1999).

В «Generation “П”» Пелевин изображает поколение 90-х, вошедшее во вкус рекламно-медиационного бизнеса и практикующего куль потребления. Главный герой, Вавилен Татарский, из поэта-недоучки превращается в успешного рекламщика, создающего слоганы для новых русских товаров. Кульминацией духовной эволюции героя становится сцена, где он под воздействием галлюциногенных грибов вступает в контакт с неким потусторонним существом – духом потребительской эпохи (не без иронии Пелевин выводит образ божества маркетинга). Этот эпизод – едва ли не прямая аллюзия на практики расширения сознания, популярные как в западной контркультуре, так и среди части российской молодёжи 90-х. Наркотик (гриб-психоделик) здесь выполняет функцию «ключа от сейфа», отпирающего скрытые уровни восприятия – как говорит один из героев Пелевина: «В наркотике-то кайфа нет... это как ключик от сейфа». Иными словами, автор подчёркивает, что люди ищут во внешних веществах лишь средство открыть собственное сознание – пустое или богатое, зависит от них самих.

Образ наркотического опьянения у Пелевина приобретает сатирико-мистический характер. С одной стороны, он реалистично отражает феномен: в 1990-е значительно вырос интерес молодёжи к психodelикам, ЛСД, грибам и прочим веществам, ранее экзотическим. С другой стороны, Пелевин поднимает это на уровень символа: его герой, приняв дозу, встречается лицом к лицу с абсурдом и пустотой – что намекает на духовную пустоту эпохи потребления. Наркомания как социальная проблема напрямую не ставится Пелевиным во главу угла, однако косвенно зависимость (от наркотиков, от рекламы, от виртуальных симуляков) оказывается центральной метафорой. Название «Generation ‘P’» отсылает и к поколению потребителей, и к поколению Пелевина/Постсоветскому, которое оказалось заложником новых симуляций. В этом смысле герои-зависимые (рекламщики, употребляющие психodelики ради вдохновения) – это частный случай всеобщей зависимости общества от новых наркотиков – будь то собственно вещества или гипноз масс-медиа.

Другой характерный образ – пациент психбольницы Пётр Пустота из романа «Чапаев и Пустота», который под влиянием препаратов и собственного безумия путешествует между 1919 и 1990-ми годами. Здесь наркотическое и психотическое переплетено так тесно, что границы стираются – Пелевин тем самым ставит вопрос: не является ли сама реальность 90-х галлюцинацией коллективного сознания, одурманенного идеологиями и веществами? В «Чапаев и Пустота» есть сцены, где геройнюхает порошок, похожий на кокаин, общается с Чапаевым о «внутреннем Шамбале» – всё это аллегории поиска истины через трансцендентный опыт. Пелевинские персонажи-зависимые часто предстают своеобразными философами поневоле: их отход от реальности позволяет автору провести глубокие параллели между личной пустотой (внутренней опустошённостью) и Пустотой социально-исторической (некоей прострацией наступившей после утраты предыдущего жизненного уклада обществом).

Литературоведы нередко спорят, пропагандирует или осуждает Пелевин употребление наркотиков. Сам писатель в интервью подчёркивал, что его герои могут принимать психodelики, но это лишь художественный приём, а не призыв к действию. Смысл произведений Пелевина – показать, что зависимость от иллюзий опасна не менее, чем от вещества. В «Generation P» герой, погружаясь в галлюцинацию, фактически прозревает, насколько лжива и абсурдна окружающая медийная реальность – и это ведёт его к цинизму и, возможно, безумию. Образ находящихся в состоянии наркотического опьянения героев у Пелевина выполняет роль инструмента демифологизации: через них изменённое сознание обнажается подлинное лицо мира – духовный вакuum, заполнившийся заменителями веры и понимания того, что на самом деле важно и ценно (реклама, деньги, наркотический эскализм).

Образ зависимого человека у Пелевина вписан в постмодернистский сюжет деконструкции советских мифов и поиска новой идентичности. Если у Петрушевской и Ерофеева наркоман – жертва социальной ямы, у Аксёнова – участник криминально-романтического эпоса, то у Пелевина – это своеобразный «проводник» между мирами, фигура, позволяющая автору исследовать границы реальности. Однако и здесь прослеживается мотив предостережения: зависимость, какими бы экзотические формы она ни принимала, ведёт либо к нравственной деградации, либо к потере связи с реальностью. Так, Вавилен Татарский после своих «прозрений» окончательно разучивается отличать реальное от виртуального и готов служить любому господину, лишь бы избежать экзистенциальной пустоты. Это тонкая сатира на «нового человека» 90-х, утратившего идеалы и потому легко впадающего в самые разные формы зависимости – от телевизора до психотропных грибов.

Заключение

Подводя итог анализу, можно констатировать: авторы 1990-х годов по-разному воплощали образ зависимого, но у всех он стал отражением перемен эпохи. Далее, в заключительной части, обобщим эти наблюдения и оценим значение данного образа для понимания социального среза 90-х.

Проведённое исследование позволяет сделать несколько важных выводов относительно изображения образа зависимого человека в русской литературе 1990-х годов и его взаимосвязи с социальными трансформациями той эпохи.

Во-первых, литература 90-х выступила источником, хоть и через призму субъективизма, но открыто и бесцензурно отразившем острые социальные проблемы постсоветского общества. На фоне стремительного роста наркомании и алкоголизма в реальной жизни (что подтверждается статистическими данными [Гриценко, 2010, с.45-52]): многократное увеличение числа наркозависимых к концу десятилетия писатели включили эти явления в свои произведения как неотъемлемую часть нового быта. Образы наркоманов, алкоголиков, токсикоманов перестали быть табу – они появились на страницах журналов и книг, свидетельствуя о социальной беде и привлекая к ней внимание. Литература выполнила роль «зеркала» эпохи, отразив «всплеск наркомании» как одно из последствий либеральных реформ и кризиса 90-х [Комбарова, 2010].

Во-вторых, образ зависимого в прозе 90-х приобрёл символическую роль. В произведениях Л. Петрушевской, В. Ерофеева, В. Аксёнова, В. Пелевина и других авторов фигуры людей, поработённых пагубной страстью (будь то к спиртному, наркотикам или иным порокам), стали художественным средством для осмысливания духовного состояния общества. Через деградацию и страдания отдельных героев писатели метафорически показали растворение прежней системы ценностей, чувство утраты ориентира, которое охватило постсоветское пространство. Так, наркозависимый сын во «Время: ночь» олицетворяет потерянное поколение, не вписавшееся в новую реальность; саморазрушительная героиня «Русской красавицы» воплощает ценностный вакuum; эпизоды с наркотиками в «Новом сладостном стиле» акцентируют криминализацию и моральную амбивалентность «лихих» 90-х; а у Пелевина нарко-трипы героев высмеиваются и разоблачают иллюзорность новых идолов (потребительства, масс-медиа), показывая их наркотически дурманящий эффект. Во всех случаях зависимости героев – это своего рода реакция на стресс и хаос в окружающем мире, попытка убежать от реальности или найти в ней новый смысл, которая, однако, приводит к морально-нравственному падению личности.

В-третьих, литература 90-х выполнила не только отражательно-диагностическую, но и аксиологическую (ценостно-критическую) функцию. Описывая сцены наркотического и алкогольного самоуничтожения с беспрецедентной откровенностью, писатели тем самым предупреждали читателя о грозящей опасности. Как отмечено в научной литературе, художественные образы обладают огромной силой воздействия на массовое сознание [Хасанова, 2014]. И хотя проза 90-х избегала прямолинейной дидактики, сами истории падения и гибели зависимых героев несли мощный моральный посыл: наркомания и подобные аддикции – тупик, ведущий к физической и духовной смерти. Этот посыл тем более значим, что он возник в период, когда государственные институты профилактики и реабилитации наркозависимых находились в зачаточном состоянии, а общество во многом не осознавало масштаб проблемы. Художественные тексты, по выражению С. Караганова и коллег, привлекали «самое пристальное внимание» к новой страшной угрозе – наркомании – и тем самым призывали к принятию мер [Караганов, Малашенко, Федоров, 1998].

В-четвёртых, на материале анализа можно говорить о своеобразной эволюции образа зависимого в литературе. Если в начале десятилетия (около 1990–1992 гг.) такие образы появляются как элементы бытового натурализма (кriminalные сюжеты, семейные хроники), то к концу 90-х они всё более вплетаются в постмодернистский дискурс (иронически-философские притчи Пелевина, концептуальные опыты Сорокина и др.). Это отражает и усложнение самого феномена зависимости в культуре: от простой фиксации социальной патологии – к её переосмыслению на уровне идей (зависимость как часть человеческой природы, как следствие потери идеалов, как инструмент познания границ реальности и т.п.). Однако на любом уровне трактовки сохраняется общий посыл: зависимость несвободна, она противопоставлена искомой личной и общественной свободе. Писатели 90-х, переживая эйфорию освобождения от тоталитаризма, одновременно показали, как люди добровольно попадают в новое рабство – наркотическое, алкогольное, потребительское. Этот внутренний парадокс эпохи (свобода, обернувшаяся для многих несвободой порока) и составляет, пожалуй, главный социально-философский вывод, который можно извлечь из литературы того времени.

Русская проза 1990-х годов действительно стала «зеркалом» социальных трансформаций, и в этом зеркале одним из наиболее примечательных отражений был образ зависимого человека – трагического персонажа новой России. Через этот образ литература ярко и честно отразила изменения в постсоветском обществе: разрушение привычных социальных связей, вакуум ценностей, всплеск девиантного поведения, страдания «маленького человека» в эпоху перемен. Одновременно, изображая деградацию своих зависимых героев, писатели транслировали читателю важную мысль: вместе с политической и экономической свободой следует обрести и внутреннюю свободу от разного рода зависимых поведенческих форм и пристрастий. Литературные предупреждения 90-х не потеряли актуальности и сегодня, оставаясь важным источником понимания как самих тех лет значимых общественных изменений, так и природы человеческой уязвимости перед лицом резких социальных ломок.

Библиография

1. Кан, А.(2018) История русской литературы. А. Кан, М. Липовецкий, И. Рейфман, С. Сандлер – Оксфорд : Издательство Оксфордского университета, 683–703.
2. Аксёнов, В.П. (1998) Аксёнов есть Аксёнов есть Аксёнов (рецензия). В.П. Аксёнов. Новый мир.(1), 211–215.
3. Аксёнов, В. П. (1997). Новый сладостный стиль. Роман. Москва : Эксмо-Пресс ; Изограф, 560 с.
4. Гриценко, Н. П.(2010) Девиация молодежи как следствие социально-экономического кризиса 90-х годов. Социологические исследования, (5), 45–52.
5. Ерофеев, В. В. (1990) Русская красавица. Роман. – Москва : Вся Москва, 208 с.
6. Иванова, Н.Б. (2022) Когда погребают эпоху. Проза 90-х и проза о 90-х: Знамя,(4), – URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8272> (дата обращения: 10.07.2025).
7. Иванова, Н.Б. (1998) Преодолевшие постмодернизм. Москва: Знамя, (4),8–22.
8. Карганов, С. А.,(1998) Наркомания в России: угроза нации /С.А. Карганов, Малашенко, Федоров.Аналитический доклад. Москва : Совет по внешней и оборонной политике, 96 с.
9. Казначеев, С. и др.(2006) Новый реализм: за и против.Литературный институт. Альманах, (3), 45–57.
10. Комбарова, А. Ю. (2010) Всплеск наркомании в России как следствие реформ 90-х годов. Вестник ИрГТУ. (5), (45). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vsplesk-narkomanii-v-rossii-kak-sledstvie-reform-90-h-godov> (дата обращения: 10.07.2025).
11. Корнеев, С.Т. (2003) Переクロки эпох: история и литература как зеркало социокультурных измерений. Альманах № 4. Москва, 400 с.
12. Курков, А. (2005) Любовь, смерть и русская душа (рецензия на произведения В. Ерофеева).The Guardian. 1 января. – URL: <https://www.theguardian.com> (дата обращения: 10.07.2025).
13. Пелевин, В. О. (1999). Generation «П». Роман. Москва : Вагриус, 306 с.
14. Пелевин, В. О. (1996) Чапаев и Пустота. Роман. Москва : Трилема, 349 с.
15. Петрушевская, Л. С. (1992). Время: ночь Повесть. Новый мир. (2), 3–47.

-
- 16. Просохин, И. Русская проза начала XXI века: тексты, контексты и рецепция. Часть 1. URL: <https://www.academia.edu> (дата обращения: 10.07.2025).
 - 17. Хасанова, Н. Ф. (2014). Тема наркомании в художественной литературе. Вестник Казанского государственного архитектурно-строительного университета., отв. редактор Р.К Низамов. Казань,(2), 212–218.
 - 18. Яцюн, Чжан. (2024). Структура художественного конфликта в повести Л. Петрушевской «Время ночь». Litera.(11), URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-hudozhestvennogo-konflikta-v-povesti-l-petrushevskoy-vremya> (дата обращения: 10.07.2025).

The Image of the Addict in 1990s Culture: Literature as a "Mirror" of Social Transformations

Kirill Yu. Il'chenko

Applicant for a Scientific Degree,
Chelyabinsk State Institute of Culture;
Head of Psychological Service,
Association of Rehabilitation Centers of the Chelyabinsk Region "Southern Urals Without Drugs";
454000, 36-a, Ordzhonikidze str., Chelyabinsk, Russian Federation;
e-mail: ilchenkoky@gmail.com

Abstract

The article examines the image of an addicted person (primarily drug-dependent) in Russian prose of the 1990s as a reflection of the social transformations of post-Soviet Russia. It is shown that after the disappearance of the USSR, an aesthetic of unprecedented frankness and naturalism emerged in literature, within which images of drug addicts, alcoholics, and other addicts became an artistic embodiment of the traumatic processes of the era—the criminalization of society, social disintegration, and value disorientation. The introduction characterizes the key socio-cultural changes of the 1990s and substantiates the relevance of studying literary images of addicted individuals. The literature review includes works by researchers noting the role of literature as a "mirror" of the reality of the post-Soviet period and analyzing the phenomenon of the author's demonstration of unsightly and extremely naturalistic, dark sides of life and everyday life, permeated with doom and hopelessness, accompanied by scenes of cruelty and violence, as the dominant aesthetic of prose of the 90s. In the analytical part, based on prose works of the 1990s—L. Petrushevskaya's novella "The Time: Night" (1992), V. Erofeyev's novel "Russian Beauty" (1990), V. Aksyonov's novel "The New Sweet Style" (1997), and V. Pelevin's novel "Generation 'P'" (1999)—it is shown how the literature of that period depicts the addicted hero and, through him, reflects new realities: the impoverishment and despair of families, crime and the rupture of social ties, the emergence of a cult of pleasure and escapism against a backdrop of spiritual vacuum. In conclusion, it is stated that the image of the "addict" became an expressive symbol of post-Soviet upheavals in the prose of the 1990s and a way of artistically comprehending the "traumatization" of society. The literature of the late 20th century not only recorded the facts of drug addiction and alcoholism but also served as a warning, fulfilling an important axiological function—reminding us of the destructive consequences of addictions for the individual and society.

For citation

Il'chenko K.Yu. (2025) Obraz zavisimogo v kul'ture 1990-kh godov: literatura kak «zerkalo» sotsial'nykh transformatsiy [The Image of the Addict in 1990s Culture: Literature as a "Mirror" of Social Transformations]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 15 (11A), pp. 68-80. DOI: 10.34670/AR.2025.70.29.009

Keywords

Drug addiction, alcoholism, social deviations, Russian literature of the 1990s, post-Soviet era, social transformations.

References

1. Kahn, A., Lipovetsky, M., Reyfman, I., Sandler, S. A (2018). *History of Russian Literature*. Oxford: Oxford University Press, 683–703.
2. Aksenov, V.P. (1998). “Aksenov est Aksenov” (Review). *Novyi Mir*, (1), 211–215.
3. Aksenov, V.P. (1997). *Novyi sladostnyi stil'* [The New Sweet Style]. Moscow: Eksmo-Press; Izograf, 560 p.
4. Gritsenko, N.P. (2010). “Deviant Behavior of Youth as a Consequence of the Socio-Economic Crisis of the 1990s”. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (5), 45–52.
5. Erofeev, V.V. (1990). *Russkaya krasavitsa* [Russian Beauty]. Moscow: Vsya Moskva, 208 p.
6. Ivanova, N. B. (2022) “Kogda pogrebayut epokhu. Proza 90-kh i proza o 90-kh” [When the Epoch Is Buried. Prose of the 1990s and about the 1990s]. *Znamya*, (4). URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8272> (accessed: 10.07.2025).
7. Ivanova, N. B. (1998). “Preodolevshie postmodernizm” [Those Who Overcame Postmodernism]. *Znamya*, (4), 8–22.
8. Karganov, S.A., Malashenko, I.E., Fedorov, A.V. (1998). *Narkomaniya v Rossii: ugroza natsii. Analiticheskii doklad* [Drug Addiction in Russia: A Threat to the Nation. Analytical Report]. Moscow: Council on Foreign and Defense Policy, 96 p.
9. Kaznacheev, S., et al. (2006). “Novyi realizm: za i protiv” [New Realism: Pro and Contra]. *Literaturnyi institut Al'manakh*, issue 3, 45–57.
10. Kombarova, A.Yu. (2010). “Vsplesk narkomanii v Rossii kak sledstvie reform 90-kh godov” [The Surge of Drug Addiction in Russia as a Consequence of the 1990s Reforms]. *Vestnik IrGTU*, (5) (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vsplesk-narkomanii-v-rossii-kak-sledstvie-reform-90-h-godov> (accessed: 10.07.2025).
11. Korneev, S.T. (2003). *Perekrestki epoch: istoriya i literatura kak zerkalo sotsiokul'turnykh izmerenii* [Crossroads of Epochs: History and Literature as a Mirror of Socio-Cultural Dimensions]. (Almanac 4). Moscow, 400 p.
12. Kurkov, A.Yu. (2005). *Love, Death and the Russian Soul* (Review of V. Erofeev's works). *The Guardian*, January 1, URL: <https://www.theguardian.com> (accessed: 10.07.2025).
13. Pelevin, V.O. (1996). *Chapaevi Pustota* [Chapaev and Void]. Moscow: Trilemma, 349 p.
14. Pelevin, V.O. (1999). Generation «P». Moscow: Vagrius, 306 p.
15. Petrushevskaya, L.S. (1992). “Vremya: noch” [The Time: Night]. *Novyi Mir*, (2), 3–47.
16. Posokhin, I. “Russkaya proza nachala XXI veka: teksty, konteksty i retsepsiya. Chast' 1” [Russian Prose of the Early 21st Century: Texts, Contexts and Reception. Part 1]. URL: <https://www.academia.edu> (accessed: 10.07.2025).
17. Khasanova, N.F. (2014). “Tema narkomanii v khudozhestvennoi literature” [The Theme of Drug Addiction in Fiction]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, edited by R.K. Nizamov. Kazan, (2), 212–218.
18. Yatsyun Zhang. (2024). “Struktura khudozhestvennogo konflikta v povesti L. Petrushevskoi ‘Vremya noch’” [Structure of Literary Conflict in L. Petrushevskaya's Novella *The Time: Night*]. *Litera*, (11) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-hudozhestvennogo-konflikta-v-povesti-l-petrushevskoy-vremya> (accessed: 10.07.2025).